

УДК 821.161.1-3

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ФЕЛЬЕТОНОВ А. ЗОРИЧА И БРАТЬЕВ ТУР

В русской литературе метрополии 1920-х – начала 1930-х годов особое значение приобрели жанры сатиры и юмора, что связано с потребностью нового общества в самоанализе, возникшей необходимостью критического взгляда на происходившие перемены. Фельетон становится одним из наиболее «влиятельных» жанров в журналистской и писательской среде. Фельетонные тексты не только публиковались в периодике, но и выходили отдельными сборниками. О фельетоне писали теоретические и аналитические работы, по поводу его жанровых признаков много дискутировали. Соединяя в себя черты публицистики и художественной литературы, обладая свободной структурой, талантливому автору фельетон предоставлял возможность для самовыражения и формального эксперимента. Многие выдающиеся писатели, впоследствии мастера больших форм, начинали свою литературную деятельность в качестве фельетонистов: М. Булгаков, И. Ильф и Е. Петров, В. Катаев, М. Зощенко, Ю. Олеша. Среди других авторов фельетонов 1920-х, сказавших свое слово в этом жанре, следует назвать М. Кольцова, В. Маяковского, Н. Асеева, П. Романова, Арк. Бухова, Е. Зозулю, Л. Сосновского, Г. Рыклина, Б. Самсонова. Своеобразная творческая манера проявилась в фельетонистике А. Зорича и братьев Тур. Целью данной статьи является исследование фельетонной поэтики этих авторов посредством анализа их наиболее показательных текстов 1920-30-х годов.

Творчество А. Зорича и братьев Тур, популярных в 1920-е годы фельетонистов, до сих пор не становилось предметом системного изучения. Если фельетонистика А. Зорича в работах, посвященных сатирико-юмористической прозе советского периода, все-таки подвергалась хотя бы общей характеристике, то имена братья Тур в лучшем случае лишь

упоминались в одном ряду с другими практиками жанра [2], [3], [4]. Обращает на себя внимания контекст исследования фельетонов А. Зорича: как правило, их сопоставляли с текстами М. Кольцова. Во-первых, авторы по-разному подходили к методу написания фельетона: Кольцов был приверженцем публицистичности, Зорич – художественности или «красою»; во-вторых, для фельетонного изображения они выбирали по-преимуществу разные объекты: жизнь в городе и в деревне, соответственно (хотя проблемы поднимались одни и те же: бюрократизм, мешанство, невежество, бесхозяйственность и т. п.). Л. Ф. Ершов даже видит некоторые преимущества сатирического таланта А. Зорича по сравнению с его более известным коллегой: «М. Кольцов вел борьбу с персонифицированным пороком. Взор его привлекал человек, который сконцентрировал в себе отрицательные черты, как бы в фокусе собрал их. А. Зорич ведет наступление на дурные нравы, на то, что более или менее рассредоточено, не локализовано в той или иной определенной личности... а как бы разлито среди массы людей. А. Зорич выступает против того, что уже стало распространенным явлением, но еще по ряду причин не опознано и потому не привлекло должного внимания» [2, с. 121-122]. Сейчас эти суждения звучат несколько абстрактно: оба мастера фельетонного жанра беспощадно критиковали как общие тенденции, так и конкретных личностей, хотя и разными способами, оба подчас были первооткрывателями в фельетонном изображении той или иной проблемы, оба, излагая факт, типизировали его как явление.

Фельетоны А. Зорича (псевдоним В. Т. Локтя (1899-1937), с тщательно разработанным сюжетом, в основе которого всегда лежал реальный факт, обилием бытовых подробностей и юмористическими деталями, диалогами, позволяющими применить речевую характеристику персонажей как средство раскрытия их психологии, действительно близки к рассказу. Характерным приемом автора, безусловно отличающим его от других фельетонистов эпохи, была так называемая (по аналогии с «короткой строкой» В. М. Дорошевича) «длинная фраза»: «Автор писал большими, несколько тяжеловатыми

периодами, в которых нередко звучала ирония, такая же приземленная, как и весь строй речи» [3, с. 124]. Приведем два примера подобных построений. В фельетоне «В алтарях» (1928) описывается курьезный случай – жители одной деревни пожаловались на местных священнослужителей в центральную прессу (этот способ воздействия на нерадивых «служителей культа» они сочли наиболее эффективным): «Приход просит «Правду», одновременно доводя об изложенном до сведения митрополита Петра, дать накачку кому следует, а также продуть сарапульского архиепископа и попа Гавриила в «Крокодиле». Иначе религия в нашей волости, и без того малая, рухнет окончательно. Архиепископ толстый, с большой пузой, который ужасно любит поповских жен, поп ростом высок, худошав, ходит как козлик; председателя церковного совета и секретаря, каковые держатся также точки архиепископа, рисовать в ветхой одежде и пьяными под забором» [5, с. 38].

Если в данном случае конструкция, содержащая разговорную лексику, дробится на несколько предложений, и свободно воспринимается читателем, то в отношении следующего примера этого не скажешь. «Товарищу, во времена, когда спор между вошью и социализмом собственно был уже разрешен в пользу последнего, но составы ходили еще теплушечные и имели в хвостах делегатские, штабные и особого назначения вагоны (не так давно это было, и мало что изменилось с тех пор в пошехоньях), – товарищу пришлось по одному делу побывать в городке, недалеко от Москвы и прославленном в России изобилием несравненных сереброголосых соловьев» [7, с. 262-263], – этот синтаксически сложный фрагмент фельетона «Товарищ из центра» (1932), сюжет которого обыгрывает гоголевского «Ревизора», еще более усложнен эпитетами и аллюзиями (из В. И. Ленина и М. Е. Сатыхова-Щедрина). «Продрасться» сквозь подобные «дебри» может явно не широкий читатель, для которого, вроде бы, предназначены фельетоны. Возможно, из-за «громоздкости» стиля произведения А. Зорича сейчас известны только специалистам, в отличие, например, от фельетонистики М. Булгакова или И. Ильфа и Е. Петрова.

Братья Тур (совместный псевдоним Л. Д. Тубельского (1905-1961) и П. Л. Рыжее (1908-1978)) вошли в историю советской литературы как драматурги и киносценаристы сталинской эпохи, авторы комедий, военных и социально-семейных драм. Начинали же они свой творческий путь, сотрудничая в качестве фельетонистов в газете «Известия», куда были приглашены М. Е. Кольцовым (именно он «переименовал их в «братьев Тур»») [6, с. 6]. В течение около тридцати лет они публиковали в этом издании 2-3 фельетона в неделю [6].

Основную часть фельетонистики братьев Тур 1920-х годов составляют произведения публицистического типа – в них поднимаются злободневные проблемы, описываются невыдуманные события, действуют реальные люди. Общественно-политическая позиция авторов выражена в них, как правило, прямо. В свою очередь, согласно особенностям функционирования комического фельетона Тур можно разделить на сатирические и «положительные».

Тексты первого типа сосредоточены преимущественно на двух проблемно-тематических пластах: мещанство и противники советской власти. Писатели развенчивают такие «уродливости быта», как пошлость («Один из Кореньковых» (1927)), пьянство («Последний долг» (1928)), «Гоп-ля, мы живем» (1929)), суеверие и невежество («Иваны» (1929)) и др. При этом особое внимание уделяется мотиву неприемлемости подобных явлений в нынешнем государстве, иногда звучит уверенность, что вскоре они будут изжиты. Так же непримиримы фельетонисты по отношению к людям, явно или скрыто препятствующим успешному развитию советской страны. Это нерадивые администраторы («Была баня» (1927), «бывшие»), мечтающие о возврате старых порядков («Новогодняя тема» (1926), так называемая «третья сила» – предложенное Н. И. Бухариным определение беспартийной интеллигенции, недовольной политикой И. В. Сталина и симпатизирующей оппозиции («Портреты “третьей силы”» (1927)). Среди объектов сатиры есть и реальные личности: П. Н. Врангель («Трагический клоун» (1928)), Ф. И. Шалигин

(«Соловей с копытами» (1927) – фигура оперного певца подвергается беспощадной критике за то, что он пожертвовал сборы от своего концерта детям эмигрантов – это представлено как поддержка белогвардейцев.

Остановимся на фельетоне «Сплетня» (1928) как одном из типичных примеров работы авторов с фактическим материалом. Приступая к изложению того или иного события, фельетонисты дают общий экскурс в проблему. В данном случае – приводятся определения сплетни из толковых словарей и соответствующий, уже авторский, комментарий в форме развернутой метафоры: «Корни ее, несомненно, русского происхождения, она – российских корней на все сто процентов. В дни ее молодости эти корни были до краев заряжены могучей растительной силой, потом они засохли, захирели в зное наших лет. Можно было думать, что они совсем уже вытоптаны копытами коней, ломившихся на рысях в Варшаве. Но нет – корни не погибли в засухе, и часто замечаешь, идя по чернозему, всходящие, ползучие, ядовитые листья сплетни...» [1, с. 81]. Далее подробно излагается собственно факт: некая молодая работница райисполкома стала жертвой оговора и клеветы, которые сломали ей жизнь. После этого братья Тур возвращаются к метафоре сплетни, превратившейся теперь в настоящую аллегория, передают ее («путь» в истории во времена царизма (сплетня названа «великодержавной» [59, с. 87]) и до нынешнего момента: «Она, постарелой и облезлой, пробралась и сквозь непролазный сыпняк, и сквозь крутую немецкую шрапнель, и сквозь огни и бури строительства. Она прошла с черного хода, через щель в доме, в наши будни. Ее работа «тихой сапой» становится все более заметной и требующей жертв» [1, с. 88]. Внушающий надежду финал, оформленный в виде риторического вопроса, переключается с началом фельетона – авторы мечтают о том времени, когда в примечании к словарной статье «сплетня» будет значиться «Вышло из употребления» [1, с. 88]. Как правило, в сатирических фельетонах писателей факт обрамляется подобными вводными и заключительными структурными компонентами.

В «положительных» фельетонах Тур раскрываются преимущества, предоставляемые рядовому человеку советской властью. Например, фельетон «Цыганская зоря» (1928) – патетический отклик на выход первой цыганской газеты («Мы знали «цыганскую любовь», «цыганский романс», «цыганский пот» «цыганское гадание», «цыганский торг», «Цыганского Барона», но цыганского корреспондента мы еще не знали до сих пор» [1, с. 70]) – подчеркивает позитивные изменения в жизни этого народа при большевиках. Положительное воздействие Советов может сказываться не только в социальном или бытовом плане, но и моральном, как в фельетоне «Настоящая тема» (1927). В нем повествуется о рабочем, признавшем, что он не нужен на производстве, и «в целях рационализации и режима экономии» [1, с. 26] уволившись. Герой пренебрегает личными интересами ради блага общества (типично классицистический конфликт), и только новая, «народная», власть помогла раскрыть высокий нравственный потенциал этого человека. «Хочется верить, что если рядом с нами ... есть такие образцы самопожертвования во имя нашего коллективного благополучия, есть такая высокая сознательность, если есть такая сила человеческого духа, то никакая опасность нам не страшна» [1, с. 26], – браваурный финал выражает надежду на светлое будущее государства. Авторы фельетона обращаются с призывом к писателям и художникам искать «героическое», «фантастическое» и «возвышенное» в повседневности.

Оригинальная форма туровских фельетонов – кинорецензии. Оценивая тот или иной фильм, авторы часто предлагают расширительную трактовку основной темы. Например, читатель фельетона «Восхождение на Эверест» понимает, что речь идет об одноимённом документальном фильме, ближе к середине текста, когда от картины трудного пути покорителей вершины (представленной от первого лица множественного числа, хотя «героический акт» совершают «вдохновенные альпинисты, мечтательные геологи, мятежные члены Английского Географического Общества» [1, с. 35]) совершается переход к юмористическому описанию публики в кинозале, где и происходит показ фильма. Собственно хвалебная рецензия (фильм назван «гениальным»)

перерастает в «гимн прекрасному человеческому упрямству – тому, которое не знает преград и которое может заставить человека надеть абажур на северное сияние» [1, с. 39]. А в финале авторы возвращаются к фильму, рисуя футуристическую сцену: через несколько веков это кинокартину будут смотреть на вершине Эвереста и воспринимать как лучший памятник первым покорителям. Фельетон прославляет и кинематограф в целом – как искусство, способное пережить даже египетские пирамиды. «Хрупкий кадр перевернет мир» [1, с. 39], – цитируя высказывание одной звезды немого кино, братья Тур стремятся возвеличить «важнейшее» из искусств.

Другой образец фельетонной кинорецензии – «Кажется, подлець» (1928), текст, приуроченный к празднику 8 Марта. Большую часть фельетона составляет пересказ сюжета фильма «Третья Мещанская», в котором выведен образ «комнатного деспота», мужа, для которого жена – «только поденщица женской благодати, поставщица очарования, маркитантка супружеских ласк» [1, с. 100]. Фактически, авторы затрагивают серьезные социальные проблемы: ратуют за «женское равноправие» и осуждают мещанский дух, пронизывающий повседневное существование человека. Вновь утверждая воспитательную функцию кинематографа, братья Тур надеются, что зрители «Третьей Мещанской», и женщины, и мужчины, задумаются и что-то изменят в своей жизни.

Л. Ф. Ершов, упоминая братьев Тур в ряду других фельетонистов эпохи, «у которых не выработалась своей художественной манеры», говорит о том, что «в любом» их фельетоне тон «одинаково осуждающе-обличительный» [2, с. 127], что им недоступно «бесконечное богатство жизни, в которой рука об руку шествуют лирика и драма, смешное и трагическое, богатство ... человеческих отношений, передаваемое в оригинальном синтезе» [2, с. 127] М. Булгаковым, М. Кольцовым, В. Катаевым, И. Ильфом и Е. Петровым. Действительно, фельетоны Тур порой грешат схематизмом и однобокостью в раскрытии той или иной проблемы. Идеологический пафос в них часто проявляется слишком прямолинейно. Тем не менее, туровские фельетоны

отличаются вариативностью оттенков комического. Если в «положительных» фельетонах преобладает юмор и добрая ирония, то в сатирических – могут соседствовать гневное обличение, подчас доходящее до сарказма, едкая и язвительная ирония, гротеск и юмор. В частности, в фельетоне «Была баня» описанию факта закрытия бани в одном городе предшествуют афористичные комористические рассуждения: «Сказано, что баня – самое старое учреждение на земле, ибо, поистине, много воды утекло со времени ее основания. В самом деле, если приглядеться, – что такое город без бани? Это, – как сказал французский философ, – бочонок без вина, мир без победы, хлеб без дрожжей, лебедь без крыльев, верблюд без горба, любовь без ссор» [8, с. 114]. В фельетоне «Гоп-ля, мы живем» братья Тур соединяют морализаторство с ироническим взглядом на положение вещей. Здесь переданы авторские наблюдения над традицией встречи Нового года: иронией пронизаны сценки в ресторане, на улице – повсюду предвкушают обильное застолье, в эту ночь люди становятся «ревнивыми пестунами своих утроб» [8, с. 125]. Фельетонистов удручает, что в стране с изменившимся общественным строем, приветствуют «еще один год своего маленького земного благополучия» [8, с. 125] вместо того, чтобы воспринимать этот праздник как «один из самых оптимистических дней, в котором ярче всего могут выразиться чувства коллективности, чувства солидарности между людьми одного дела» [8, с. 129].

В фельетоне «Сверхъестественная история» (1934) описывается гротескная ситуация: одному гражданину, хоронившему своего родственника, поставили в паспорт «официальный штамп», что похоронили его. Ошибку категорически отказались исправлять, теперь он «ходит ... в живых трупах» [8, с. 391], из-за чего расстроилась свадьба, с ним отказываются производить денежные операции и т. д. Авторы, преисполненные сочувствием к своему герою, вынужденному терпеть произвол бюрократов, устранившись от прямой критики – только показывают события из жизни персонажа, сопровождая их комористическими комментариями и сценками: представляют, как человек присутствует на собственных похоронах, смотрит на себя в гробу, размышляет

о том, как будут реагировать на его смерть жена, сослуживцы, соседи; передают мысли невесты, узнавшей, что ее избранник по документам умер: «Что же ты, мильй, обманывал, что живой? Еще за локоток брал, одуванчиком называл. А на самом деле – обыкновенный покойник. О, боже! Все мужчины – обманшки» [8, с. 390-391] и т. п. Сатирическая направленность текста, явно перекликающегося с некоторыми фельетонами М. А. Булгакова, реализуется через иронию и юмор.

Мотив смерти функционирует и в фельетоне «Новогодняя тема», но совсем в другом ключе. Бывший помещик решил покончить с собой из-за невозможности дальнейшей жизни при большевиках и пишет предсмертное послание председателю исполкома. Здесь, разумеется, не может быть и речи о сочувствии к умирающему человеку, так как он представитель враждебного класса. Его своеобразная «исповедь» призвана продемонстрировать только негативные черты: слабость, трусость, привычку к роскошной жизни, сословное чванство, глупость. Отношение к дворянам оформлено в виде синтеза сравнения и иронической метафоры: «Когда-то я думал, что Россия без либерального дворянства – все равно, что столичный город без цирка. Никто не жонглирует, никто под куполом не висит вниз головой, никто не играет. И рыжего нет» [8, с. 387]. Фельетонисты иногда не выдерживают иронического тона и вкладывают в уста персонажа саморазоблачающие характеристики: «...иногда мне кажется, что меня уже нет – нет хуторного вельможи, ...собирателя заплесневелых библиотек, потерявшего себя, пережившего себя, задушенного своими грошовыми воспоминаниями» [8, с. 388]. В финале выясняется, что самоубийство не состоялось: «Сдрейфил умереть» [8, с. 389], – так комментирует слабость помещика председатель исполкома.

Несмотря на открытую тенденциозность, и сатирические, и «положительные» фельетоны братьев Тур привлекают внимание разнообразием художественных средств: ирония, метафора, аллегория, типизация, пародийность стиля (например, «Необходимые сведения об Октябре для готского альманаха») (1928) обыгрывают стиль академических научных изданий

и энциклопедий, «Иваны» – торжественный и лаконичный стиль Библии, «Новогодняя тема» – официальных документов и дружеского письма). Данный фактор, в какой-то степени, также выводит авторов за границы широкого круга «ординарных» фельетонистов 1920-х годов.

Таким образом, поэтику фельетонистики А. Зорича определяют сюжетность, диалогизм, внимание к деталям, использование сложных синтаксических конструкций. Для фельетонного метода братьев Тур характерны следующие черты: открытое выражение социально-политической позиции, широкий диапазон средств комического (юмор, ирония, гротеск, пародия), структурная вариативность в подаче материала. Стиль фельетонов Зорича и Тур отличается высокой степенью образности, чему способствует разнообразие средств художественной выразительности. Исследование стилистических особенностей фельетонистики писателей составляет перспективу разработки темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братья Тур. Бомбы и бонбоньерки / Братья Тур. – Л. : Прибой, 1929. – 263 с.
2. Ершов Л. Ф. Сатирические жанры русской советской литературы / Л. Ф. Ершов. – Л. : Издательство «Наука», 1977. – 284 с.
3. Ершов Л. Ф. Советская сатирическая проза 1920-х годов / Л. Ф. Ершов. – М.-Л. : Издательство Академии наук СССР, 1960. – 284 с.
4. Журбина Е. И. Теория и практика художественно-публицистических жанров. Очерк. Фельетон / Е. И. Журбина. – М. : Мысль, 1969. – 400 с.
5. Зорич А. В алтарях / А. Зорич // Нестор из Крокодила: Крокодильское литературное наследие за 50 лет (1922-1972). – М. : Издательство «Правда», 1972. – С. 38–39.
6. Потапов В. Моя память хранит обрывки: Интервью с Зюкой Тур / В. Потапов // Огонек. – 2002. – № 37. – Сентябрь. – С. 6–7.

7. Русская советская сатирико-юмористическая проза. Рассказы и фельетоны 20-30-х годов / Сост. Л. Ф. Ершов. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. – 472 с.

8. Советский фельетон / Сост., подготовка текста, комментарий К. Г. Бойко и Е. М. Есенина. – М.: Гос. издательство политической литературы, 1959. – 528 с.

АНОТАЦІЯ

Комаров С. А. Особливості поетики фейлетонів А. Зорича та братів Тур

У статті виокремлюються та аналізуються риси фейлетонного методу А. Зорича та братів Тур. Серед особливостей фейлетоністики А. Зорича названі сюжетність, включення у текст діалогів, увага до побутових подробиць, гумористичні деталі, використання складних синтаксичних конструкцій. На матеріалі фейлетонів братів Тур автор висвітлює наступні елементи їх поетики: відкрита маніфестація соціально-політичної позиції, широкий діапазон засобів комічного (гумор, іронія, гротеск, пародія), різноманітність жанрових форм та структурних моделей текстуальної організації. Окремо акцентовано звернення братів Тур до фейлетонної форми кінорецензії.

Ключові слова: фейлетон, сатира, гумор, іронія, структура, кінорецензія.

АННОТАЦИЯ

Комаров С. А. Особенности поэтики фельетонов А. Зорича и братьев Тур

В статье выделяются и анализируются черты фельетонного метода А. Зорича и братьев Тур. Среди особенностей фельетонистики А. Зорича названы сюжетность, включение в текст диалогов, внимание к бытовым подробностям, юмористические детали, использование сложных синтаксических конструкций. На материале фельетонов братьев Тур автор освещает следующие элементы их поэтики: открытая манифестация социально-политической позиции, широкий диапазон средств комического (юмор, ирония, гротеск, пародия), разнообразие жанровых форм и структурных моделей

текстуальной организации. Отдельно акцентировано обращение братьев Тур к фельетонной форме кинорецензии.

Ключевые слова: фельетон, сатира, юмор, ирония, структура, кинорецензия.

SUMMARY

Komarov S. A. Peculiarities of Poetics of Feuilletons by A. Zorich and Brothers Tur

The article is dedicated to the investigation of the features of A. Zorich and Brothers Tur's feuilleton method. Inclination to plotting, inclusion of dialogues into text, attention to daily particularities, humorous details, using of compound syntactic constructions are named among A. Zorich's feuilletonistic peculiarities. The author examines the following elements of Brothers Tur's feuilleton poetics: undisguised manifestation of the social-political position, wide range of comical means (humour, irony, grotesque, parody), variety of the genre forms and structural models of textual organization. Brothers Tur's using of a film review as a feuilleton form is separately accentuated.

Key words: feuilleton, satire, humour, irony, structure, film review.

*Г. М. Марченко
(Артемовск)*

УДК 821.161.1

УКРАИНСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС В РУССКОМ ЭСТЕТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РОМАНТИЗМА: К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ

Как известно, центральным постулатом эстетической теории романтизма стала мысль о том, что искусство развивается всегда в национальной форме, имеет национальную определенность. Эта идея позволила русским романтикам, особенно радикальным в её трактовке, значительно обогатить своё творчество тематически, включить в круг художественных поисков широкий исторический материал, в том числе и «инонациональный», экзотический по отношению к